

Ильина Галина Геннадьевна, Мышкина Альбина Федоровна

ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФИТОНИМОВ В ПОЭТИКЕ ЧУВАШСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

В статье проанализированы чувашские названия различных деревьев и цветов, которые имеют философское значение, являются символами (в художественных произведениях), а также выражают философское миропонимание и патриархально-родовые отношения чуваш (в традиционной культуре и фольклоре). Чувашская проза XX века наглядно демонстрирует естественную связь художественного словесного творчества с фольклором. Фитонимы в произведениях литературы углубляют как идею произведения, так и способствуют философскому, психологическому толкованию различных переживаний, душевных состояний героев. Основное внимание авторов направлено на выявление философско-эстетических параллелей между мировоззрением отдельного писателя и коллективным сознанием народа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/6-3/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(60): в 3-х ч. Ч. 3. С. 29-32. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/6-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Аллен Л. «Заблудившийся трамвай» Н. С. Гумилёва. Комментарий к строфам // Аллен Л. Этюды о русской литературе. Л.: Худож. лит., 1989. С. 113-143.
2. Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20-ти т. М.: Наука, 1999. Т. 2. 568 с.
3. Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20-ти т. М.: Наука, 1999. Т. 3. 994 с.
4. Богданова Т. В. Коллективное бессознательное как прием семантического развертывания текста (на материале поэтической книги Н. Гумилева «Огненный столп») [Электронный ресурс]. URL: <https://gumilev.ru/about/65/> (дата обращения: 01.04.2016).
5. Гумилёв Н. С. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Terra-Terra, 1991. Т. 2. 325 с.
6. Зобнин Ю. «Заблудившийся трамвай» Н. С. Гумилёва (к проблеме дешифровки идейно-философского содержания текста) [Электронный ресурс]. URL: <https://gumilev.ru/about/43/> (дата обращения: 30.03.2016).
7. Иванов Вяч. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. 428 с.
8. Куликова Е. Ю. «Заблудившийся трамвай» Гумилёва и корабли-призраки [Электронный ресурс]. URL: <https://gumilev.ru/about/146/> (дата обращения: 30.03.2016).
9. Магомедова Д. М. Об одной пушкинской аллюзии в «Заблудившемся трамвае» Н. С. Гумилёва [Электронный ресурс]. URL: <https://gumilev.ru/about/209/> (дата обращения: 20.03.2016).
10. Маковский С. Николай Гумилев по личным воспоминаниям [Электронный ресурс]. URL: <https://gumilev.ru/biography/34/> (дата обращения: 29.03.2016).
11. Ницше Ф. Так говорил Заратустра [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/NICSHE/zaratustra.txt> (дата обращения: 25.03.2016).
12. Обухова О. Раннее творчество Николая Гумилёва в свете поэтики акмеизма: заметки к теме // Russian Literature. XLI. 1997. С. 495-504.
13. Одоевцева И. На берегах Невы. М. – Владимир: АСТ МОСКВА; ВКТ, 2010. 410 с.
14. Тименчик Р. Д. К символике трамвая в русской поэзии // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1987. Вып. 754. С. 135-143.
15. Юнг К. Г., Нойман Э. Психоанализ и искусство. М.: Ваклер, 1996. 302 с.
16. Masing-Delic I. The Time-Space Structure and Allusion Pattern in Gumilev's «Zabludivshiisia Tramvai» // Masing-Delic I. Essays in Poetics. 1982. V. 7. № 1. P. 62-81.

THE IMAGE OF ETERNAL FEMINITY IN N. S. GUMILEV'S LATE LYRICS

Zhukova Aleksandra Andreevna
Lomonosov Moscow State University
ksana121@mail.ru

The article examines certain conception associated with the interpretation of Mashenka's image from N. S. Gumilev's poem "The Tram that Lost Its Way". The author introduces her own interpretation of the image under study. Mashenka's image allows the author to provide the comparative analysis of the Ideal images by N. S. Gumilev and poet-symbolist A. A. Blok. The paper concludes that the poets developed the creative space according to the principle of approaching two elements in lyrics: material and ontological.

Key words and phrases: N. S. Gumilev's lyrics; A. A. Blok's lyrics; acmeism; symbolism; active romanticism; Puskin's allusions; image of Mashenka; "The Tram that Lost Its Way".

УДК 821.512.111

В статье проанализированы чувашские названия различных деревьев и цветов, которые имеют философское значение, являются символами (в художественных произведениях), а также выражают философское миропонимание и патриархально-родовые отношения чуваш (в традиционной культуре и фольклоре). Чувашская проза XX века наглядно демонстрирует естественную связь художественного словесного творчества с фольклором. Фитонимы в произведениях литературы углубляют как идею произведения, так и способствуют философскому, психологическому толкованию различных переживаний, душевных состояний героев. Основное внимание авторов направлено на выявление философско-эстетических параллелей между мировоззрением отдельного писателя и коллективным сознанием народа.

Ключевые слова и фразы: чувашская литература; чувашское фольклорно-мифологическое мировоззрение; фитонимы; философичность и символизм названий деревьев и растений; традиционная культура; патриархально-родовые отношения.

Ильина Галина Геннадьевна, к. филол. н.
Мышкина Альбина Федоровна, д. филол. н., доцент
Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова
galiil69@mail.ru; alb-myshkina@mail.ru

ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФИТОНИМОВ В ПОЭТИКЕ ЧУВАШСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Человек XXI века, да и вся его культура, в своей жизнедеятельности все больше и больше опирается на рациональное объяснение окружающей его среды. Прагматизм современного человека вытесняет из жизни

веру в чудеса, волшебство и невидимую силу природы. Подобное восприятие ведет в какой-то степени и к отстранению от традиционной культуры, и к отказу от незыблемых духовных ценностей. В этой связи особо возрастает значение художественной литературы как основы духовной культуры человека, в которой традиционное и современное могут и существуют в гармонии. Эта гармония наиболее наглядна в художественно-философской, лирико-психологической литературе. Как элемент традиционной культуры здесь выступает мифологическое и фольклорное наследие народа.

Так, в чувашской литературе имеется достаточное количество произведений, которые позволяют утверждать об определенном философско-мифологическом толковании в них различных названий цветов и деревьев, о явной связи эстетического мировоззрения писателя с традиционной национальной культурой. Более того, очень часто растительный мир в такой литературе становится выражением основной идеи всего произведения. Естественно, есть и такие примеры, в которых названия цветов, все также выражающие идею произведения, не связаны с чувашским фольклорным миропониманием. Такова, к примеру, повесть Н. Петровской «Шурă лили» («Белая лилия»), в которой цветы, деревья не только воссоздают идиллию природной красоты, но и выражают, словно люди, определенные чувства по отношению к главной героине: «Кăтра хурăн мана кётсе тунсăхланă пулас, эпё пырса ларсан çамрăк пёвёпе ман еннелле кăштах аванса илчĕ те тенкĕ евĕр çулçисемпе алă çупса ячĕ...» [9, с. 4]. / «Кучерявая береза, видать, соскучилась, ожидая меня, поэтому, когда я присела, потянулась ко мне своим молодым телом и захлопала в ладоши своими похожими на деньги листочками» (здесь и далее перевод авторов. – Г. И., А. М.). Следует отметить, что Н. Петровская в своей повести использует два типа фитонимов: первая группа – это цветы и растения, которые вошли в чувашское мировоззрение через русскую культуру и в достаточно поздний период своего развития (астра с огненно красным бутонем, герань, гладиолус, сирень, береза); вторая группа – растения, имеющие фольклорное, мифо-поэтическое значение (колокольчик, рябина).

Глубокое философское значение фитонимов, естественно, зафиксировано в традиционной национальной культуре, в частности, очень много таких примеров в народных песнях и в самых древних мифах о происхождении мира [8]. Так, для многих народов, в том числе и для чувашского, весьма значимым названием является «Ама йывăç» (Дерево Мать): «Чрезвычайно многообразны мифологические функции мирового дерева Ама йывăç. Оно располагается в священном центре Вселенной, часто на вершине мировой горы. Образ мирового дерева определяет внутреннюю структуру мифологической системы и все ее основные параметры. Оно является центральным элементом вертикальной космической модели, соединяя верхний (небесный), средний (земной) и нижний (подземный) миры <...> Абстрактное представление в мифах конкретизируется, наполняясь привычным для повседневной жизни содержанием. Так, воплощением мирового дерева чаще всего выступают знакомые чувашам породы деревьев – дуб, липа, вяз, береза, ветла и т.д. Но та или иная порода дерева избирается не случайно. В чувашской мифологии каждой породе соответствует определенный смысл» [4, с. 137].

Рассмотрим наиболее наглядные примеры понимания названий деревьев, бытующих в чувашских народных песнях. К примеру, в традиционной культуре *юман* (дуб) ассоциируется с мужчинами своего рода старшего говорящего. На семейно-родовом уровне этот статус конкретизируется в образе реального *атте* (отца): «Уй варринче лаштра юман, пирĕн атте мар-ши çав?» / «Посреди поля развесистый дуб, не батюшка ли это наш?». *Çăка* (липа) соотносится со старшими женщинами своего рода и конкретизируется в образе реальной *анне* (матери): «Уй варринче лаштра çăка, пирĕн анне мар-ши çав?» / «Посреди поля развесистая липа, не матушка ли эта наша?». *Хурама* (вяз) в фольклорном толковании связан с индивидом, наделен признаками «мужчина», «старший», «чужой» и противопоставляется дубу. В плане семейных отношений это – *хуньам* (отец супруги): «Хуньам картишĕ варринче хурама» / «Посреди двора тестя вяз». Образ *хурăн* (береза) соотносится с женщинами старшего поколения чужого рода. Реально это мать супруги – *хуняма*: «Хурама айĕнче хуньам пур, хурăн айĕнче хуняма пур» / «Под вязом есть у меня тесть, под березой – теща». *Шĕшкĕ* (орешник) – это «мужчина», «младший», «свой», а именно – *шăллăм* (младший брат): «Шĕшкĕ хулли шăллăмсем» / «Младшие братья мои – поросль орешника». *Йăмра* (ветла), напротив, – это «женщина», «младшая», «своя», то есть – *йăмăк* (младшая сестра): «Йăмра хулли йăмăксем» / «Младшие сестры мои – лозы ветлы» [Там же].

Как видим, названия деревьев в чувашском фольклорно-мифологическом мировоззрении напрямую соотносятся с патриархально-родовыми отношениями внутри семьи. Заметим, родовые, родственные отношения в чувашской культуре имеют огромное значение, в философии чувашей это фундамент духовной жизни. В художественной литературе происходит расширение этих границ, углубление их философского и этического значения. Более того, очень часто с целью усиления идейной нагрузки названия цветов и деревьев писатели выводят в заголовок произведения. Таковы, к примеру, повести «Хёрлĕ мăкăнь» («Красный мак») и «Уках хурăнĕ» («Березка Угах») Ю. Скворцова [11; 12], повесть «Шăнкăрав курăкĕ» («Колокольчики») А. Емельянова [5], роман «Хура çăкăр» («Черный хлеб») Н. Ильбека [7], рассказ «Ан авăн, шĕшкĕ» («Не гнишь, орешник») А. Артемьева [2], роман «Йăмралă ял» («Деревня в ветлах») К. Турхан [13], рассказ «Вăрман ачисем» («Дети леса») М. Сеспеля [10], поэма «Йăмра» («Ветла») А. Воробьева [3], драма «Çатан карта çинчи хура хăмла сырли» («Ежевика вдоль плетня») Б. Чиндыкова [16] и т.д.

В художественной литературе происходит двойное использование значений фитонимов: или в традиционной, уже зафиксированной в фольклоре форме, или же придают им новое значение, которое связано уже с символами современной культуры. Нет сомнения, каждый писатель имеет свое индивидуальное своеобразие, которое проявляется во всем. К примеру, для Ю. Скворцова природа – это некое зеркальное отражение души народа и отдельного человека, поэтому именно через природные явления, растения и животных он раскрывает интуицию героя, традиции и мифологические верования чувашей, разные проявления текущей

жизни. Более того, «изображая жизнь живой природы, писатель задумывается о судьбе нации, замечает в человеке в первую очередь то, что он чуваш. Знаки этого уже в его повестях-рассказах формируются как эстетическое мышление народа. Крики журавлей, дергача, отсутствие плодов на яблонях, грусть березки... – открыто говорят о том, что все это вместе мифологическое мышление чувашей, их своеобразное мировоззрение» [14, с. 87]. Схожие эстетические взгляды наблюдаются и в творчестве А. Емельянова: «С помощью приемов аллегории и символов автор передает национально-философское мышление народа и народные традиции словесной культуры» [6, с. 81]. Обратимся к наглядным примерам.

В фольклорной традиции *шанкрав куракё* (колокольчик) носит в себе идею разлуки. И в повести А. Емельянова «Шанкрав куракё» («Колокольчик») название этого цветка имеет такое же предназначение: «Надя Сашана парнеленё шанкрав куракё – уйралу» / «Колокольчик, подаренный Саше Надей, – разлука» [5, с. 261]; «Ашра халиччен курман кичемлех. Аллэмра шанкрав куракён сыххи» / «В душе невиданная до сих пор грусть. В моих руках букет колокольчиков» [Там же, с. 288]. В повести «Шанкрав куракё» («Колокольчик») образ колокольчика является той художественной деталью, которая проходит через все произведение и усиливает его лирическое начало. Отметим, что писатель А. Емельянов является мастером чувашского художественно-публицистического стиля, но во всех его произведениях устойчивым лейтмотивом проходят различные образы уголков природы – поля, реки, овраги, разные растения, деревья и цветы, которые работают на усиление философской, лирической или психологической линии произведения.

Макань чечекки (цветок мака) в фольклоре обозначает юность, молодость, невинность: «Ах, самрак ёмёр макань чечек / Иртсе кайё теменччё» [15, с. 272] / «Эх, молодость – цветок мака / Не думала, что пройдет»; «Мак чечекки пит хитре, / Пит хитре те час такнать, / Самак ёмёр пит лайах, / Пит лайах та – час иртет» [Там же] / «Цветок мака очень красив, / Очень красив, но быстро увядает, / Молодость очень хороша, / Очень хороша – но быстро уходит». Такую же параллель наблюдаем и в повести Ю. Скворцова «Хёрлэ макань» («Красный мак») [12], в которой наглядно разработана именно эта идея – чистота и невинность подрастающего поколения, трепетное отношение к их наивности. Герои повести, юноши и девушки старших классов, готовящиеся вступить на широкий путь жизни, сталкиваются с первым в своей жизни испытанием – первой любовью. В связи с этим цветок мака становится и символом первой юношеской, самой чистой любви, которую хочется сохранить и уберечь от эгоизма и жестокости сверстников.

В повести Ю. Скворцова «Уках хуранё» («Березка Угах») [11] сразу несколько названий растений имеют символическое, фольклорно-мифологическое значение. Основная идейная нагрузка падает на образ березы, которая здесь символизирует жизнь и судьбу главной героини Угахви. Писатель проводит философскую параллель между природными особенностями этого дерева и душевными переживаниями человека. В начале в характерной для Ю. Скворцова манере, лирическими и теплыми тонами, описана белоствольная молодая береза. При этом автор постоянно сравнивает ее с человеком, поэтому при описании дерева использует слова, которые называют отдельные части тела человека или напрямую соотносятся с ним: «пус» (голова), «сёнё ўт» (новая кожа), «хай мёлки» (своя тень), «утса савранать» (делает круг шагом), «куссуль» (слеза), «кятклать» (щекочет). Такое описание дерева оживляет его, придает ему человеческие черты. И уже сравнение дерева с человеком не выглядит противоестественным, а наоборот, лишь углубляет боль и переживания человека: «Сав хуран та – Укахви пекех – йывёр чухне, сивё чухне чуне хытарса куссульне пытарать <...> Хёвел пяхсан сёс чунё ашанса сёмселсе каять те иртнине аса илсен ирёксёрех куссулэ тухать» [Там же, с. 128] / «И эта береза – как и Угахви – когда тяжело, когда холодно, прячет свою слезу, ужесточая душу <...> Только когда выглядит солнцем, ее душа, согревшись, смягчается и, вспоминая прошлое, проступает слеза».

Для углубления трагизма судьбы героини, а именно глубины ее физической боли, состояния болезни, писатель использует образ подсолнуха: «Пахчара – кая юлса сурална хёвел савранаш хёвеле хирёс чёвёнесе, чёчё ёмекен пару пек малалла сике-сике илет, тытамак тытна пек кацахса кайса тапкалалша тытанать, хысаланать, е шанса кутнинчен ашанас тенё майла, сұлсисене сын аллисем пек хире-хирёс саттарать. Пёри тата – Укахви пек – тайалать, тунет, пусне ниепле те тытаймасть» [Там же, с. 125] / «В огороде – поздно проросший подсолнух, поворачиваясь в сторону солнца, словно теленок, сосущий вымя матери, подпрыгивает вперед, начинает подергиваться, будто в припадке эпилепсии, чешется, или, словно желая согреться от стужи, трет свои листочки друг об друга, как руки человека. Один из них – как и Угахви – качается, падает, никак не может держать свою голову». Подсолнух относится к тем сельскохозяйственным культурам, которые пришли к чувашам в достаточно поздний период, поэтому в фольклоре он никак не запечатлен. В повести Ю. Скворцова этот образ использован для более лирического описания главной героини, ее характера, ее желаний выздороветь и жить.

Образ яблони широко распространен в чувашском фольклоре, в частности, в свадебных и молодежных песнях. В повести Ю. Скворцова «Уках хуранё» («Березка Угах») этот образ становится предвестником скорой смерти главной героини: «Сирён пахчара улмусси пек. Уй, унччен те пулмарё, савна карсёс те шура сурт туса лартрёс... Темёнччен шухашласа вытрём вёрансан. Ку, – тетёп, – Укахви пирки мар-и... Шура сурт – тупак тетчё те...» [Там же, с. 115] / «Вроде яблоня в вашем саду. Ой, не тут-то было, срубили ее и построили белую избу... Долго лежал, думал, когда проснулся. Это, – говорю, – не о Угахви ли... Поговаривали ведь, что белая изба – это гроб...». Заметим, в данной повести не сама яблоня становится символом смерти, потустороннего мира, а белый дом. А сама яблоня здесь – это Угахви, девушка в расцвете сил, которой бы выйти замуж и нарожать детей, но злая судьба – болезнь – скосила ее, как яблоню в саду, и укладывает в гроб.

Все проанализированные нами произведения свидетельствуют о тесной связи чувашского менталитета с природой, которая воспринимается чувашами как источник первоначальной чистоты и в большей степени духовной чистоты. Такую связь можно наблюдать и в романе Н. Ильбека «Хура сакар» («Черный хлеб») [7],

в котором образ *хурама* (вяз) является психологической деталью, способствующей разностороннему раскрытию характера главного героя Шерккее, его духовных качеств. Аналогичную роль играют образы *хурама* (вяз) и *хурән* (береза) и в повести А. Артемьева «Салампи» [1]. И этот ряд можно продолжать до бесконечности.

На наш взгляд, основная причина подобной связи заключена в особенностях старой чувашской веры, в которой природа, несмотря на определенную иерархию «рукотворных» богов, была первостепенной, и которая до сих пор остается первоосновой чувашской культуры и быта. Так, чувашский народ не ставит себя выше природы и земли, а считает ее матерью – *цёр анне* (мать земля), а небо, гром – отцом – *аслати* (гром). Чуваши всегда занимались сельским хозяйством: сначала скотоводством (в кочевнический период), а потом – земледелием и скотоводством. Такой вид деятельности для них оставался основным вплоть до середины XX века, пока не начали поднимать на их землях заводы и фабрики. Вся жизнь, трудовая деятельность, традиция чувашского народа строго подчинялись сезонам природы: весенне-летний цикл (время сеять) и осенне-зимний цикл (время собирать урожай). При таком образе жизни естественно, что природа очеловечивается и воспринимается как нечто живое, способное как защитить, так и наказать.

Весьма значимой чертой чувашского менталитета также является его четко выраженная жизненная философия – *сураштару* (согласование, гармония), которая проявляется как в отношениях в обществе, семье, так и по отношению к природе и духовному миру. Это некая золотая середина, которая находит свое отражение как в поведении, так и в устремлениях человека. В художественной литературе данная жизненная философия чаще всего выражается в описаниях гармоничного отношения между человеком и обществом, и особенно между человеком и природой. Чуваш, и это легко объясняется его земледельческой деятельностью, избегал нарушения правил природы, боясь навлечь на себя ее гнев. Поэтому в его традиционной культуре и в религиозных культах особое место занимают жертвоприношения земле, воде, лесу и т.д. И наиболее распространенным является жертвоприношение Киреметь. Ритуал жертвоприношения земле нашел свое отражение, к примеру, в романе Н. Ильбека «Хура сәкәр» («Черный хлеб») [7].

Таким образом, нет никаких сомнений в том, что чувашская литература на протяжении всей своей истории обращалась к традиционному фольклорно-мифологическому мышлению народа как для усиления национального контекста в характере героев, идеи, так и для воссоздания через подобное мировоззрение особой картины чувашского мира в поэтике произведения. Все это, бесспорно, подтверждает истину о том, что элементы традиционной культуры в художественной литературе придают ей национальное «лицо».

Список литературы

1. Артемьев А. Салампи: роман. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1991. 256 с.
2. Артемьев А. Сула́мра суннă самра́клăх: пове́сем, калав. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2008. 432 с.
3. Воробьев А. Ветла: стихотворения и поэмы / пер. с чувашского. М.: Советская Россия, 1986. 127 с.
4. Егоров Н. И. Мифы о мироздании // Культура чувашского края. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1994. Ч. 1. С. 109-146.
5. Емельянов А. Шăнкăрав кура́кĕ: пове́семпе калавсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1987. 416 с.
6. Емельянова Т. Н. Некоторые особенности художественно-публицистических произведений А. Емельянова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. 3. С. 80-82.
7. Ильбек Н. Хура сәкәр: роман. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1989. 400 с.
8. Ильина Г. Г. Несказочная проза в системе жанров чувашского фольклора: дисс. ... к. филол. н. Ижевск, 2006. 226 с.
9. Петровская Н. Шура́ лили: повесть. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1987. 127 с.
10. Сеспель М. Собрание сочинений. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 526 с.
11. Скворцов Ю. Уках хурәнĕ: пове́семпе калавсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1993. 511 с.
12. Скворцов Ю. Хёрлĕ ма́кăнĕ: пове́семпе калавсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2003. 415 с.
13. Турхан К. Йăмраллă ял: роман. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1952. 390 с.
14. Федоров Г. И. Сăнарлă сăмах шыравĕ: Тĕпчев шыравĕ. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1996. 224 с.
15. Чăваш халăх сăмахлăхĕ: в 6 т. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1979. Т. 3. Юрăсем. 280 с.
16. Чиндыков Б. Тухса кайиччен: калавсем, драмăлла пове́сем, пьеса́сем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2009. 399 с.

FOLKLORE-MYTHOLOGICAL MEANING OF PHYTONYMS IN THE POETICS OF THE CHUVASH ARTISTIC WORKS

И'ina Galina Gennad'evna, Ph. D. in Philology
Myshkina Al'bina Fedorovna, Doctor in Philology, Associate Professor
I. N. Ulianov Chuvash State University
galiil69@mail.ru; alb-myshkina@mail.ru

The article analyzes the Chuvash names of various trees and flowers which have a philosophical meaning, are the symbols (in artistic works), as well as express the philosophical understanding and patriarchal-patrimonial relations of the Chuvash (in the traditional culture and folklore). The Chuvash prose of the XX century conveniently demonstrates the natural connection of the artistic verbal creativity and folklore. Phytonyms in literature both deepen the idea of the work and contribute to the philosophical, psychological interpretation of a variety of experiences, emotional states of characters. Particular attention is paid to the identification of the philosophical and aesthetic parallels between the world view of a separate writer and the collective consciousness of people.

Key words and phrases: the Chuvash literature; the Chuvash folklore-mythological world view; phytonyms; philosophicity and symbolism of trees and plants names; traditional culture; patriarchal-patrimonial relations.